

Проза

Справка «ММ»

Игорь Варламов родился 1 июля 1964 года в Магнитогорске. В 20 лет пришёл в городское литобъединение имени Бориса Ручьёва. В 1987-м состоялась первая публикация стихов. Входил в литературную группу «Дыхание». С 1988 года участвовал в региональном совещании молодых писателей в Челябинске. В 1997 году принят в Союз российских писателей по рукописи, на следующий год вышла первая книга стихов «Разговор с летучей рыбой» (12+).

Как делегат участвовал во II съезде Союза российских писателей и всероссийской писательской конференции «Литература на пороге XXI века». Учился на высших литературных курсах в Литературном институте имени Максима Горького на семинаре поэзии Юрия Кузнецова. В 2000-м получил стипендию Международного литературного фонда. С 2001-го – член-корреспондент Академии поэзии России, в том же году впервые опубликовал стихи в общероссийском журнале «Дружба народов».

Автор трёх книг стихов, очерков и эссе. В настоящее время живёт в Москве.

Московские записки

✍ Игорь Варламов

Неугомонный Григорий Мовсесович

– Так о чём его спросить? Тут можно задать вопрос в режиме online.

Реплика жены вернула меня из забытья.

– Ну, не знаю. Спроси, как выйти из послеродовой депрессии?

– Зачем это?

– Ну, спроси о чём-нибудь другом.

– Ладно. Спрошу, как избавиться от психологической зависимости.

Жена долго стучит по клавишам, видимо, расширяя рамки вопроса, потом отсылает сообщение.

– Что за манеры у этого типа! Посмотри, что он ответил, – жена кипит от возмущения. – Пишет: «Ответ на свой вопрос вы найдёте в моей новой книге «Азбука семейных отношений». Или вы можете приобрести на DVD мою авторскую программу, обучающую десятипальцевому скоростному набору текста на клавиатуре компьютера». Зачем мне десятипальцевый набор? Я же к психологу обращаюсь!..

Что же это за фрукт такой? Не удерживаюсь, подбегаю к монитору. Ба, старый знакомый! Григорий Мовсесович! Вспоминаю-вспоминаю...

Москва, 1989 год. Приятель пригласил меня на двухдневный семинар по философии русского космизма. Поехал с утра в какой-то заводской ДК на окраине города. Публика разномастная. В фойе продаются книжки Вернадского, Чижевского, Федорова. Начало семинара объявлено, но организаторы просят подождать ещё немного, потому что не пришёл кто-то из приглашённых. Народ терпеливо ждёт. И вдруг на кафедру взбегает щуплый чернявый мужичок и, откашлявшись в благообразную бородку, восклицает зычным голосом:

– Товарищи, каждый мой час стоит двести долларов! Тратить своё время на ожидание я больше не могу. Прошу простить меня, я ухожу.

Так я впервые увидел Григория Мовсесовича. Но знал я его и раньше – в 70-80-х читал газетные заметки. Григорий Мовсесович

– журналист, публиковался в центральных изданиях, освещал проблематику общественной жизни. И вот грянуло новое время, а вместе с ним – русский космизм и анропософия, кришнаиты и рериховцы. А ещё западная психология. Не давали покоя Григорию Мовсесовичу лавры Дейла Карнеги, и открыл он на Ордынке кабинет психологической помощи, стал писать книжки по этой тематике.

Спустя ещё некоторое время началась тотальная компьютеризация. И опять Григорий Мовсесович не остался на обочине прогресса: придумал и запатентовал метод скоростного набора текста на клавиатуре компьютера, создал обучающую программу. Зарегистрировал фирму и стал налаживать сеть распространения своего интеллектуального продукта.

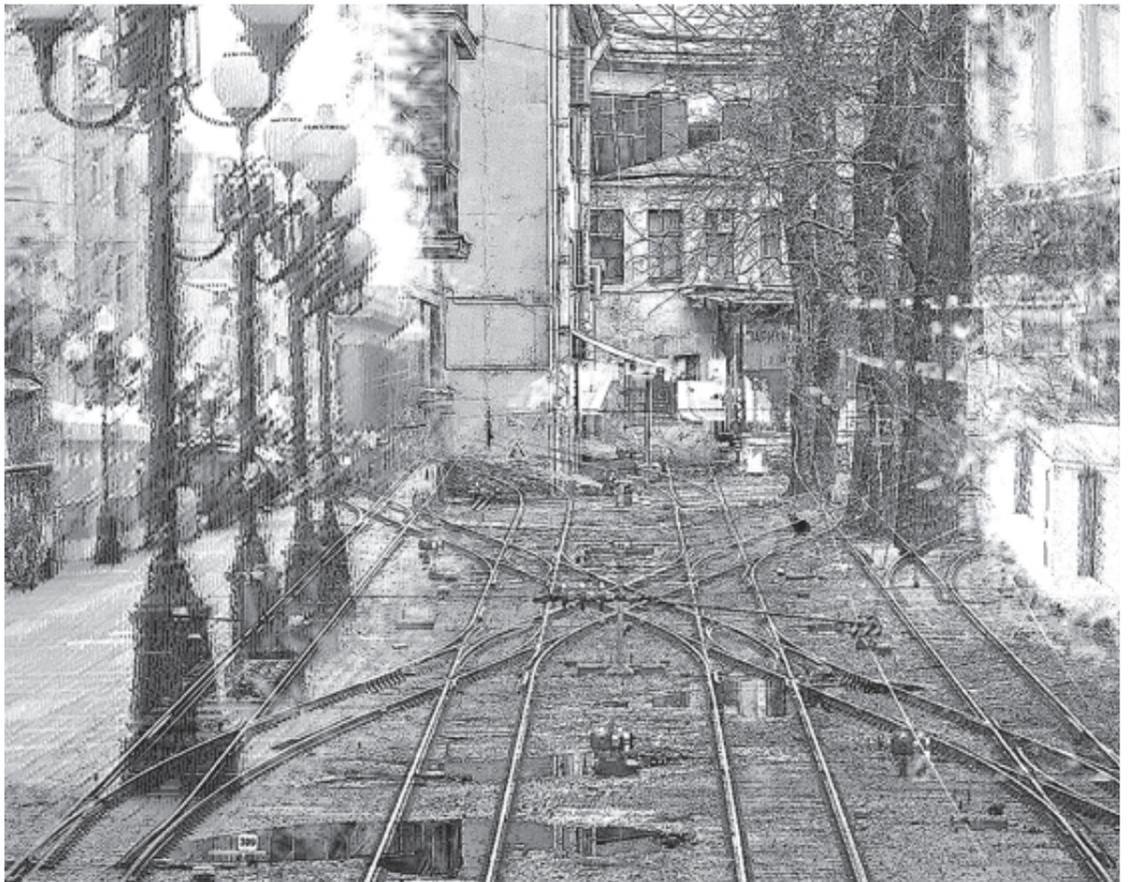
По прогнозам футурологов, не избежать нам нового рывка вперёд. Говорят, нанотехнологии в России на подъёме. И я не удивлюсь, если Григорий Мовсесович бьётся сейчас над разработкой наноматериала для скатерти-самобранки или создаёт наноподрёмки к сапогам-скороходам.

Завод «Флакон»

Подруга прислала СМС, пригласила на презентацию своей книги. В СМС указано место и время встречи: «Диз. завод ФЛАКОН, 13 час.» Пробиваю в поисковике адрес: дизельный завод «Флакон». Нет в Москве такого дизельного завода! Да это вовсе и не дизельный завод, как я подумал. Это – дизайн-завод. Да ещё с символическим названием. Действительно, без флакона не разберёшься. Ну да ладно, «заправлены в планшеты космические карты» – вперед на презентацию!

В Москве поветрие: проводить выставки, устраивать фестивали в промышленных интерьерах. Из Московского комбината виноградных и десертных вин, основанного ещё в 1889 году купцами Травниковыми, сделали Центр современного искусства. Теперь вот и эта бывшая промышленная зона стала дизайн-заводом – местом проведения культурных событий, шоу, мастер-классов.

По гулким железным ступеням цеховой лестницы поднимаюсь на второй этаж. Огромное пространство занимает книжная ярмарка. В

углу эстрадка, на которой девушка с гитарой поёт «рыцарские баллады» – так она их сама объявляет. Стикеры, расклеенные повсюду, извещают о проходящем здесь фестивале вольных книгоиздателей. А вон и подруга машет мне рукой. Презентация должна пройти в рамках фестиваля, но организаторы почему-то не включили её в план. Подруга расстроена. Наконец через некоторое время девушка с гитарой была выдворена с эстрадки, и её место у микрофона заняла моя подруга. На презентацию книги ей отвели двадцать минут. Невнятная какая-то презентация, думаю я. Многочисленные посетители толпятся у лотков книжной ярмарки, и на писательницу, представляющую свою новую книгу, никто не обращает внимания. На пластиковых стульях перед эстрадкой сидят, слушая мою подругу, ровно четыре человека – трое друзей и представитель издательства.

«Вспомоществование пьющим и нуждающимся»

Человеку, далекому от писательской кухни, слова «литературный фонд», наверное, мало о чём говорят. Между тем это интересная история: 8 ноября 1859 года в Петербурге представители известных тогда журналов «Отечественные записки», «Современник» и «Библиотека для чтения» организовали общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым, которое неофициально стало называться Литературным фондом. Это была первая общественная организация, созданная для «вспомоществования пьющим и нуждающимся писателям», как заявлял его создатель. Фонд наполнялся за счёт членских взносов, пожертвований высочайших особ, субсидий Министерства народного просвещения, доходов от спектаклей, концертов, публичных лекций. Так 22 января 1860 года в Петербурге с успехом прошли первые литературные чтения в пользу Литфонда, участниками которых были Иван Тургенев, Николай Некрасов, Яков Полонский, Аполлон Майков, другие литераторы. Свой вклад в писательскую «кубышку» вносили также Островский, Гончаров, Писемский, Достоевский, Шевченко. Эта организация просуществовала до октября 1917 года.

«Касса взаимопомощи» писателей возродилась при советской власти. В 1927 году в пору бурного литературного движения возник Литфонд РСФСР, преобразованный в 1934 году в Литфонд СССР. Его средства шли на выплату пособий нуждающимся писателям и ссуд для работы над новыми произведениями, на поддержку семей умерших классиков советской литературы, на финансирование творческих поездок и зарубежных командировок. За счёт средств Литфонда СССР существовали Литературный институт, писательские посёлки Переделкино и Комарово, многочисленные дома творчества и санатории в лучших курортных зонах Советского Союза, ведомственная поликлиника и даже детский сад. Многие десятилетия Литфонд пополнялся за счёт членских взносов, отчислений от изданий художественных произведений, доходов от хозяйственной деятельности подразделений фонда. И таким, наполненным до краёв в тучные времена советской власти, Литфонд оставался до 1991 года.

Художник Фима

Мне всегда интересно разговаривать с Фимой. Вообще-то он Ефим Романович, а ещё точнее, на иудейский манер, Рувимович. Но просит, чтобы называли его по-домашнему – Фимой. Он – художник, иллюстратор книг. В прошлом. Хотя бывший художников не бывает. Закончил Строгановское, больше тридцати лет проработал в разных московских издательствах. Замечательный шрифтовик! Шрифты – и моя страсть. В советские годы, рассказывает, колесил по всей стране, из союзных республик привозил издания с образцами национальных шрифтов.

Фима вынимает из шкафа сразу с десяток пожелтевших от времени книжек, раскладывает передо мной:

– Раньше идёшь по Москве, и в витрине каждого книжного магазина – книги, что я оформлял. Да, вот эти самые. На девушек этот трюк действовал безотказно: «Смотри, Маня, это все мои книжки». «Ой, какой же ты талантливый, Фима!» А теперь хожу, и всё кругом чужое. Совсем другие книги в витринах. Да и саму Москву я уже давно не узнаю.

– Сколько же времени уходило на оформление одной книги? – дилетантски спрашиваю я.

Он ненадолго задумывается, потом рассуждает вслух:

– Ну, вот смотри, проработал в издательствах я примерно тридцать лет и оформил около трехсот книжек. Вот и считай: десяток – в год. Ну, это так, в среднем. В общем, по-разному бывало. Случалось, книга, что называется, «не шла». Издательство торопит, автор названивает, а у меня ступор. Но потом всё равно что-то вырисовывалось.

– Кстати, про авторов. Как с ними работалось?

– Тоже всякое бывало. В основном доброжелательно, хорошо принимали мою работу. А случалось, позвонит автор, пригласит в гости. Еду к нему, везу готовый материал. Вынимаю из папки листы, раскладываю перед ним, а он кричит жене на кухню: «Марфуша, иди-ка сюда! Тут Ефим Романович рисунки принёс. Посмотри-ка их». Вот так иногда какая-нибудь Марфуша и решала судьбу моей работы.

Фима, как многие старики, любит вспоминать пережитое. Память часто уносит его туда, где не было подарков и диабета, где легко танцевать с девушками. А ещё он вспоминает довоенное детство:

– Жили мы на Петровке, в коммуналке. Как все тогда. Папа работал в наркомате тяжёлой промышленности. К кому-то из соседей часто приходил нарком Ежов. Я бегал по нашему длинному коридору и всякий раз, завидев его, кричал: «Здравствуй, дяденька Ежов!» Тот смеялся и всегда трепал меня за вихры. А однажды – вот как сейчас помню, в тридцать седьмом году это было – подарил он мне пропуск на трибуну первомайского парада. Неспроста: день рождения у меня 1 мая, и тогда семь лет мне исполнилось. Ну, на парад я, конечно, с отцом пошёл, но пропуск был вручен лично мне!

Фима ненадолго задумывается, потом продолжает рассказ уже каким-то отстранённым голосом, как на приеме у психотерапевта:

– Где-то напротив нашего дома на Петровке, чуть наискось, стоял двухэтажный особняк с мезонином. На нём вывеска была: «Начес трикотаж». Я ребёнком подходил к окну в нашей комнате, прижимался лбом к стеклу и, вглядываясь в вывеску, читал по слогам: на-чес три-ко-та-жа. Но что это означает, я не понимал... Я и сейчас не понимаю.